

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРЯДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКИХ ГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

А. Ю. МАСЛОВА,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

Т. И. МОЧАЛОВА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Внешние условия жизни, материальная действительность обуславливают сознание людей, их поведение и находят отражение в грамматических, лексических и фразеологических формах языка, т. е. в языке воплощается образ мира, который складывается у представителей разных национальностей в процессе постижения окружающей среды и общения. Однако самым мощным средством формирования мировидения является культура, или национально-культурная специфика определенной лингвокультурной общности [8]. Этнический облик культуры в конкретный период развития того или иного народа накладывает отпечаток на язык.

Диалектные фразеологизмы, содержащие в своей внутренней форме не только собственно языковую информацию, но и факты общественного бытия, материальной и духовной культуры этноса, – это своеобразный способ отражения этнокультурного сознания целого народа и каждого человека в отдельности. В этом отношении интересны фразеосочетания русских говоров Республики Мордовия, поскольку их образование и функционирование происходят в поликультурном регионе в условиях

контактирования русского и мордовского (мокшанского и эрзянского) народов, в процессе славянского и финно-угорского взаимодействия и взаимопроникновения.

Во фразеологическом фонде русских говоров Мордовии значительное место занимают фразеологические единицы (ФЕ), связанные со свадебными ритуалами. Важно подчеркнуть, что наиболее интенсивно и в полных формах обрядность жила в крестьянской среде. В свадебном обряде – вершине народной культуры – сохранились рудименты архаических явлений, восходящих к славянским древностям, для него характерны особенности, присущие только локальной традиции. Этнолингвистический анализ свадебной фразеологии способствует пополнению информации о специфических чертах местных ритуалов, распространенных на территории Мордовии.

Фразеологический материал прежде всего репрезентирует процессуальную сторону обряда, в которой четко выделяется несколько этапов.

1. Предсвадебные действия, включающие почти все ритуалы: сватовство, смотрины, сговор. Что касается ФЕ, отражающих подготовку сватовства, то, судя по

употреблению ФЕ *давать (дать) слово* (о родственниках жениха), момент узнавания о согласии девушки выйти замуж порой входит в обряд сватовства: *Ты слыхаль, Тоньки словъ дали. А вот Наташка атказала, ей тожь прихадили словътъ давать* (Карпеловка, Торбеевский район), но иногда ему предшествует, что демонстрирует ФЕ *с языка сорвать: Сначала с йизыка сарвут, а патам уш сватътъ идут* (Подверниха, Старошайговский район). Собственно означенование сватовства представляет ФЕ *пропивать (пропить) невесту*, т. е. праздновать согласие на свадьбу.

Ритуал смотрин представлен ФЕ, характеризующими хозяйственные проблемы: *кладку ладить* «договариваться о приданом с родителями невесты», *уговариваться наподжид* «договариваться об отсрочке выплаты женихом кладки (выкупа) родителям невесты».

Сговор предполагает получение родительского одобрения будущего брака, ФЕ *пойти на поклон* означает пойти к родителям невесты за благословением. В ходе сговора также решаются организационные вопросы: *идти с лаптями, лапти давать* «договариваться о дне свадьбы (о родственниках невесты)», *столом ладиться* «договариваться об угощении на свадьбу». ФЕ *идти с меркой* отражает локальное свадебное обрядовое действие, когда идут в дом жениха измерять окна и двери, чтобы сшить занавески.

Значительное место во фразеологическом материале занимают ФЕ, представляющие действия накануне дня свадьбы: перенос в дом жениха приданого (*нести ватолу*), плач с причитаниями невесты (*волюшку вопить, красу отдавать*). Большая часть ФЕ связана с ритуалами, которые в это время совершают подруги невесты. Они относят к жениху подарки от невесты (*носить (понести) рубашку*), украшенную цветами ветку (*нести (понести) цветок (курник)*). Подругам полагается ночевать у невесты накануне торжества – *мягчать перину*. Обязательным этапом при подготовке к свадьбе со стороны невесты является девичник. Присутствовать на девичнике в доме невесты – *поиграть в чёрку, ходить в подруги*.

2. Обрядовые действия первого свадебного дня, происходящие непосредственно перед венчанием: *давать выкуп за невесту (окупать ворота, откупать (покупать) невесту)*, *выкупать приданое невесты (кладку драсть)*. Если помолвка как обрядовое действие в предсвадебный период называется *первым запоем*, то *второй запой* – это проводы жениха и невесты в церковь. После венчания их осыпают хмелем – *окупывают молодых*. В день свадьбы дарят подарки. ФЕ фиксируют подношение подарков гостями жениху и невесте (*класть сыр, сыр метать, на поклон класть (положить)*) и невестой родным жениха (*на поклон, семью дарить*).

Ряд ФЕ отражает этап подготовки к центральному моменту свадьбы – свадебному пиру. Речь идет о приглашении в гости. Фразеологически зафиксирован факт приглашения и прихода в дом жениха родственников невесты: *в горны звать – в горны идти (пойти, ходить)*. Интересно, что пришедшие (с любой стороны) на свадьбу должны платить за вино, выпитое из обвязанного красной лентой стакана, – *козла окупать*.

3. Обрядовые действия послесвадебного периода, представленные посещениями на второй день свадьбы родителей невесты (*на блинки звать – идти (ходить) на блинки (пирожки)*) и жениха. К последнему носят ветку сосны (*носить сосну*) и ищут в его доме невесту (*ярку искать*). Одним из завершающих моментов свадебных действий является обряд, определяемый ФЕ *овин тушить*: в избе зажигают солому, а невеста с женихом ее тушат. Считается, что это горит сор, который может накопиться в доме.

Таким образом, русская диалектная фразеология свадебного обряда на территории Мордовии отражает некоторые региональные традиции, восходящие в деталях к дохристианским истокам. При всей вариативности ритуальных действий общая структура обряда остается неизменной [7]. Почти все его основные составляющие определены в большей или меньшей степени ФЕ. Например: сватовство – *пропивать (пропить) невесту*, смотрины – *кладку ладить*, рукобитие – *первый запой*, вытье –

волюшку вопить, девичник – *мягчать перину*, выкуп – *окупать ворота*. Этапы гуляния и свадебного пира характеризуются единичным фразеологизмом и довольно обобщенно – *гулять свадьбу*, т. е. праздновать. Во фразеологическом материале не содержится ФЕ, называющих собственно венчание, которое представляет собой священное действие, таинство и не предполагает каких-либо диалектных номинаций.

Похоронный обряд, как и свадебный, принадлежит к числу наиболее архаических, он сохранил многие черты традиционных воззрений на смерть. В этнолингвистических исследованиях нередко отмечается общность свадебного и похоронного обрядов, что объясняется их «переходным» характером. Фрагментарно это подтверждают диалектные фразеологизмы, представляющие ритуал плача невесты (*волюшку вопить*, *красу отдавать* «плакать с причитаниями перед свадьбой»): *Гости уши събирались*, *а Манькь кросу уддоваль* (Резоватово, Ичалковский район). Известно, что жанр причитаний первоначально возник в похоронном обряде. Его присутствие в свадебном объясняется пониманием последнего как «условных похорон», в основе которого лежит идея смерти девушки в одном качестве и возрождения в другом.

Похоронный обряд, некогда не менее сложный по структуре, чем свадебный, сейчас предстает в сильно редуцированном виде. В настоящее время в нем просматриваются контуры старых, еще языческих ритуалов, однако заметно и то, что магическое содержание обрядового действия во многом стерлось. В диалектной фразеологии русских говоров Мордовии ФЕ указанной семантической группы представлены очень небольшим количеством единиц, которые репрезентируют ритуальные действия довольно обобщенно, практически не дифференцируя этапы обряда. Так, фразеологизмы *отнести за сторожёвых*, *сделать траур* имеют значение «схоронить, похоронить». Однако некоторые ФЕ характеризуют отдельные обрядовые комплексы, составляющие структуру погребально-поминального ритуала [4].

1. С предсмертным состоянием человека и моментом смерти, одеванием покойника и положением его в гроб связаны ФЕ, называющие вещи для умершего: *смёртное одеянье (оде́жа)*, *смёртный узел*. Из речи пожилого человека, заранее приготовившегося к смерти, собравшего себе смертную одежду: *Смёртнй узилу миня лежыт ф сундуке, в нём у миня фсё смёртнъ удаенья. Годы утошли, хворать часть сталь, нады готовить смёртнъ удаенья, а то ни ровён час крамкниши, хть нагишкый миня в гробът клади* (Суподеевка, Ардатовский район).

2. Вынос из дома, отпевание в церкви, погребение определяет ФЕ *ногами понести*. Ее значение – «схоронить, похоронить» – получено посредством метонимического переноса с номинации отдельного ритуала – выноса покойника из дома – на процесс похорон в целом. Корни традиции уходят в те времена, когда умерших выносили из дома не через дверь, а через окно или даже через специально прорубленное в стене отверстие, которое затем заделывали, чтобы душа спокойно ушла в иной мир и покойник не возвратился по своему следу (он будет знать, куда его несут, но не будет помнить, откуда).

Сочетанию христианских и языческих традиций способствовали общие представления о загробном мире, продолжающейся жизни души. Умерших христиан принято называть усопшими, т. е. уснувшими. Благоговейное отношение к телу покойника напрямую связано с главным догматом христианства о всеобщем воскресении людей. По учению православной церкви, со смертью человек не исчезает, не уничтожается, он засыпает телом, а душой отправляется в дальнюю дорогу, на встречу с Богом [5]. Это отражено в ФЕ *проводать на будущее* со значением «отпевать покойника».

Обряд отпевания состоит из многих песнопений, отчего и получил свое название. Отпевание завершается, когда священник читает разрешительную молитву, в которой церковь молит Господа простить усопшему грехи и удостоить его Царства Небесного. Этой молитвой покойный освобождается от обременявших его запрещений и грехов

и отпускается в загробную жизнь примиренным с Богом и ближними. Чтение молитвы, текст которой сразу по ее прочтении вкладывается в правую руку умершего, как наиболее значимый момент обрядового действия отражен во ФЕ *сидеть молитву* «присутствовать на обряде отпевания усопшего».

3. Поминки, которые после сорокового дня переходят в поминальные ритуалы, связанные с календарной обрядностью, как и предыдущие действия, уходят своими корнями в далекое прошлое. В христианской традиции обычай поминок в основном сводится к поминальной трапезе – *горячему столу*. В русских говорах на территории Мордовии эта ФЕ имеет два значения: 1) «поминки после похорон». Интересно, как сами носители диалекта объясняют это выражение: *Кали человек умрёт, об нём дельют поминки. Эти поминки называются горячим столом. Нь горячий стол чь человек фсю жызню пръработъл, поэтьму нь горячий стол угоищают вином, тут не грех ы выпить, нь другех поминкълх пить нельзя* (Суподеевка, Ардатовский район); 2) «горячие кушанья на поминках». Следовательно, поминки – это не просто обед, а особый ритуал, цель которого – отдать усопшему дань уважения, вспомнить о его добрых делах.

В поминальные дни люди обязательно посещают могилы родственников, принося с собой еду, вино и как бы приглашая усопшего на ритуальную трапезу. ФЕ *завтрак на кладбище носить* «помянуть» сохранила обычай, оставшийся от древнего похоронного обряда, который предусматривал как задабривание душ умерших, так и демонстрацию силы жизни.

Обычаи и обряды поминального цикла – проявление заботы об умерших в виде молений, особых трапез, посещения могил, поэтому для диалектоносителя важно, чтобы его похоронили с соблюдением обрядовых действий. ФЕ *свалить под коноклэску* «похоронить без обряда» носит пренебрежительный оттенок: *...а то пьпадѣш ф пристарелый дом, кто, чай, тея там събиратътъ будит. Покроют какем-нибутъ савьньм дъ свалют пьт кънаклэску* (Суподеевка, Ардатовский район).

Таким образом, даже те немногочисленные ФЕ, которые репрезентируют все этапы похоронно-поминального цикла, выступают отражением не только бытовой стороны жизни диалектоносителей, но и их архаического мировоззрения.

В диалектной фразеологии оставили свой след календарные обряды и связанные с ними обычаи и верования. Так, в русских говорах на территории Мордовии можно обнаружить упоминания церковных праздников в честь некоторых святых. В православной традиции особо отмечаются два дня памяти святителя Николая Чудотворца (Николая Угодника): 19 декабря (Никола Зимний, Холодный) и 22 мая (Никола Вешний, Теплый, Летний). В России почитание Николая Угодника приближалось к почитанию Богородицы и самого Христа, он воспринимался как национальный святой, покровитель русского народа, а также как крестьянский святой и мужицкий заступник [3]. Вплоть до начала XIX в. Николины дни в русских деревнях считались важнейшими праздничными днями после Пасхи. Феофан Прокопович, известный просветитель XVIII в., жаловался, что русские люди «память святого Николая выше Господских праздников ставят» [3]. Не случайно и в исследуемом фразеологическом корпусе находим названия *вѣшня микола* и *зимняя микола*, соответствующие весеннему и зимнему Николиным дням.

Знаковое время года в народном календаре – весна. Достаточно вспомнить, что на Руси до XIV в. наступление нового года отмечалось в день весеннего равноденствия. В диалектной фразеологии проводам весны уделено особое внимание: этот период знаменовал переход к сельскохозяйственным работам, которые начинались в мае, также в этом месяце первый раз выгоняли в поле скот, открывался сезон хороводов. Окончание весны и переход к лету считались со дня Вознесения Господня (40-й день по Пасхе) [6]. Проводы весны праздновались в течение последней недели мая (по старому стилю), которую называли *гулящая неделя*. Весну провожали накануне Петровского поста. Последнее же весеннее вос-

кресенье именовалось проводами весны и встречей русалок [2]. В исследуемых говорах этот день получил название *русалкино (русальское) загванье*. В конце XIX в. в гулящую неделю ни одна деревенская девушка не решилась бы пойти в лес из-за боязни русалок, которые, по народному представлению, на это время переселяются туда из речных и озерных омутов. Данный фразеологизм употребляется в шутовском контексте в значении «время, которое никогда не наступит»: *Сказала иму, штоп саломки принёс, дъ вить надеждъ-ть нъ ниво плахая, дъ русалкина загвънья ждять придёццъ* (Кулишейка, Рузаевский район).

Проводы весны принадлежат к сельским обрядам и сопровождаются самыми разнообразными гуляньями. Посредством ФЕ *сухой игриши* зафиксирована народная забава, заключающаяся в обливании водой любого человека на улице на следующий день после праздника; ФЕ *гранки ставить* называет обычай за три дня до Троицы ставить на дорогах преграды из бревен и плетней. В этот день – седьмой четверг после Пасхи – отмечается праздник весенне-летнего календарного периода Семик. Он открывает обрядовый комплекс троичко-семицкого празднества и распространен в России повсеместно.

Среди фразеологизмов, определяющих обрядовые действия осеннего цикла, можно выделить ФЕ *Кузьму сидеть*, свидетельствующую об одном из обычаев, связанных с днем памяти святых Кузьмы (Космы) и Демьяна (Дамиана), который отмечается 14 ноября. Особое внимание к этим святым в сельской среде объясняется тем, что они прославились как мастера и труженики, покровители семейного очага и супружеского счастья. Вечер названного дня деревенская молодежь проводила в веселье: девушки собирались в какой-нибудь большой избе, вместе готовили пиршество, приглашали к столу парней. Такие пирушки продолжались до рассвета: *Кузьму сидеть ребятъ и дефки на осени събирались* (Марьяновка, Большеберезниковский район).

Как видим, диалектный фразеологический материал русских говоров на территории Мордовии свидетельствует о том, что «календарные праздники как часть традиционной культуры тесно связаны с культурно-хозяйственными и культурно-этническими процессами и представляют собой сплав реального, основанного на богатейшем эмпирическом опыте, и ирреального – синкретизм верований, элементов древних обрядовых культов, местных мифологических преданий и пр.» [1].

Итак, диалектная фразеология является особой формой хранения и отражения национально-культурной информации – основы для порождения символических значений в ценностно-смысловом пространстве этноса.

Поступила 13.05.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецова, И. В. Календарная обрядность и устойчивые сравнения // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии : тез. докл. междунар. конф. (Волгоград, 28–29 сент. 1999 г.). – Волгоград, 1999. – С. 153–155.
2. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильворг, 1903. – 529 с.
3. Николин день [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pesnohorki.ru/nikol.htm>. – Загл. с экрана.
4. Похоронно-поминальные обычаи и обряды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.funeralportal.ru/library/1111/12742.html>. – Загл. с экрана.
5. Православные похороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Похороны>. – Загл. с экрана.
6. Пропт, В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропт. – СПб. : Терра – Азбука, 1995. – 176 с.
7. Русский свадебный обряд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_свадебный_обряд. – Загл. с экрана.
8. Штейнгарт, Л. М. Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Штейнгарт ; Краснояр. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Иркутск, 2006. – 22 с.